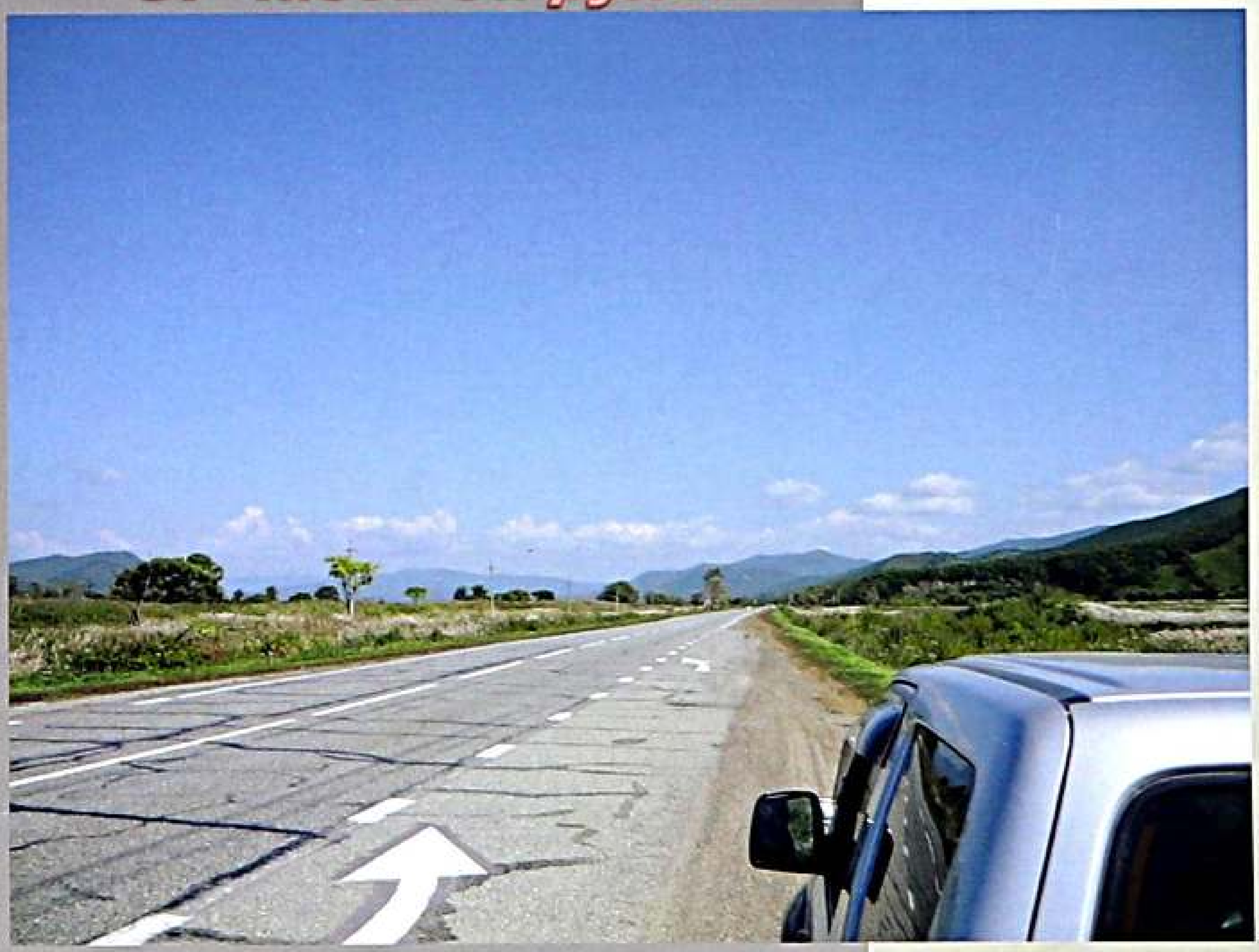
Туравто
Приморье

По большому кольцу на север края

1560км по Приморью,
37 часов за рулём



Н.Тертышный

Приморье 2016г.

По большому кольцу на север края
1560 км. по Приморью, 37 часов за рулём
по следам экспедиции В.К.Арсеньева 1906г.

Тертышный Н.Н.
Фото, оформление и вёрстка автора

Третья книга для туристов, приезжающих в наш край на своих автомобилях, как прелюдия при организации маршрута по интересам «отпускник»* для трёх-четырёхдневного автопробега. Любители руля и безопасных поездок, выбрав хорошую погоду с июля по октябрь для отдыха с семьёй, по достоинству смогут оценить красоты и достопримечательности Приморского края.

«Отпускник»: ***маршрут от трёх и более дней,*** **цель которого –** ***дорога, совершенствование вождения автомобиля, короткие стоянки, общение с семьёй, с попутчиками, ночёвки в тайге и прочие удовольствия автопутешествия с использованием всех видов дорог.***

Приморский край

23.12.15

3 ТМО Т. 3600000 З. 742—91

26.89(255.5)
Т35

Автопробег по большому кольцу
Находка – – Дальнереченск – Спасск-Дальний – Уссурийск – Находка
19 – 21 сентября 2015 г.

Планирование автопрбега 2015 г.
к маршруту В.К.Арсеньева в мае – ноябре 1906 г.

ОК ЦБС г. Находка

снова в дорогу…

Своё третье автопутешествие по Приморью я обязан был совершить, поскольку решительно намеревался проехать маршрут В.К.Арсеньева 1906 года до конца. В 2014 году удалось одолеть половину намеченного пути, и, завершив пробег в бухте Ольге, мы вернулись домой, оставив вторую половину на следующий год. Подведя итоги поездки, за зиму я сделал отчёт-буклет малым тиражом, поскольку заинтересовать большой публикацией никого не сумел. Затем проработал теоретически маршрут на лето 2015 года(см. схему) и торопил время к августу.

Намечалось проехать вдоль побережья к северу на Терней, затем пересечь край в поперечном направлении на Дальнереченск и вернутся в Находку дорогами по центру края через Ракитное, Чугуевку, Медвежий кут с выездом на Партизанск. Думалось управиться за четыре дня, затрачивая часов по семь в день на езду. Была надежда пройти маршрут в прежнем составе, но что-то не складывалось с самого начала лета. У сына не получалось с отпуском на работе, «Делика» требовала основательного ремонта. И потому к началу сентября я понимал, что выберусь только во второй половине месяца, что компанию мне составит мой первый и верный помощник – жена, и что отправимся в путь на малой машине, как и в первую экспедицию по маршруту В.К.Арсеньева 1902 года. Было потрачено много нервов на уговоры в надобности и важности экспедиции. Это при том, что я умалчивал о предстоящих каверзах и трудностях плохой дороги. Начатое дело нужно было довести до ума и как-то логично завершить всю свою затею.

Сборы намеренно оттягивал до последнего. Буквально вечером перед выездом убрал задние сидения на своём «Джимни», собрал и загрузил минимум спальных принадлежностей, заправил запасную канистру топлива, пересмотрел кое-какой инструмент, компрессор, аптечку, огнетушитель и мелочь – спички, батарейки, примитивная удочка и пр., что в дороге иногда весьма пригождается.

Так или иначе, в субботу девятнадцатого сентября в тихое солнечное утро в одиннадцать часов благополучно отъезжаем…

Дарует жизнь нам многое познать,
И труд, и боль, и дерзновенья пламень,
Но вот судьбы загадочной печать
Ещё никем не сорвана меж нами.
Три четверти у года позади,
Последняя… над рощами колдует.
Возврата нет. До одури зови,
Но лишь накличешь осень золотую.
Взгляни! На склонах, там, её подол
Прохладой лёгкою вершины тронул.
Вчера мой август, опьянив, ушёл,
Вином судьбы пополнив жизни омут.
Уже сентябрь - сквалыга и скупец
Стяжает в закром все пожитки лета,
А следом месяц - ветреный шельмец
Тот прахом пустит всё добро по свету.
Остудит голову к исходу путь,
И злато прошлого всё хламом обратится.
Ещё из омута… дано ль черпнуть,
Последней четвертью опохмелиться?

Находка, ул. Арсеньева,
19 сентября 2015 года. Ещё тепло!

Далее я намеренно отделаюсь несколькими фотографиями из дорожного альбома, в общем дающими представление о пути от Находки до залива Св.Ольги (почти 350 км.), который мы одолели махом за шесть с половиной часов. Минут на двадцать останавливались лишь за посёлком Лазо, съехав к речушке у Старой Каменки. Этот путь, уже пройденный ещё в прошлом году, мало интересовал меня. Началом должна была стать Ольга! Туда рвалось сердце, туда летел наш автомобильчик, так называю наш «Джимни», о котором чуть впереди скажу ещё…

***

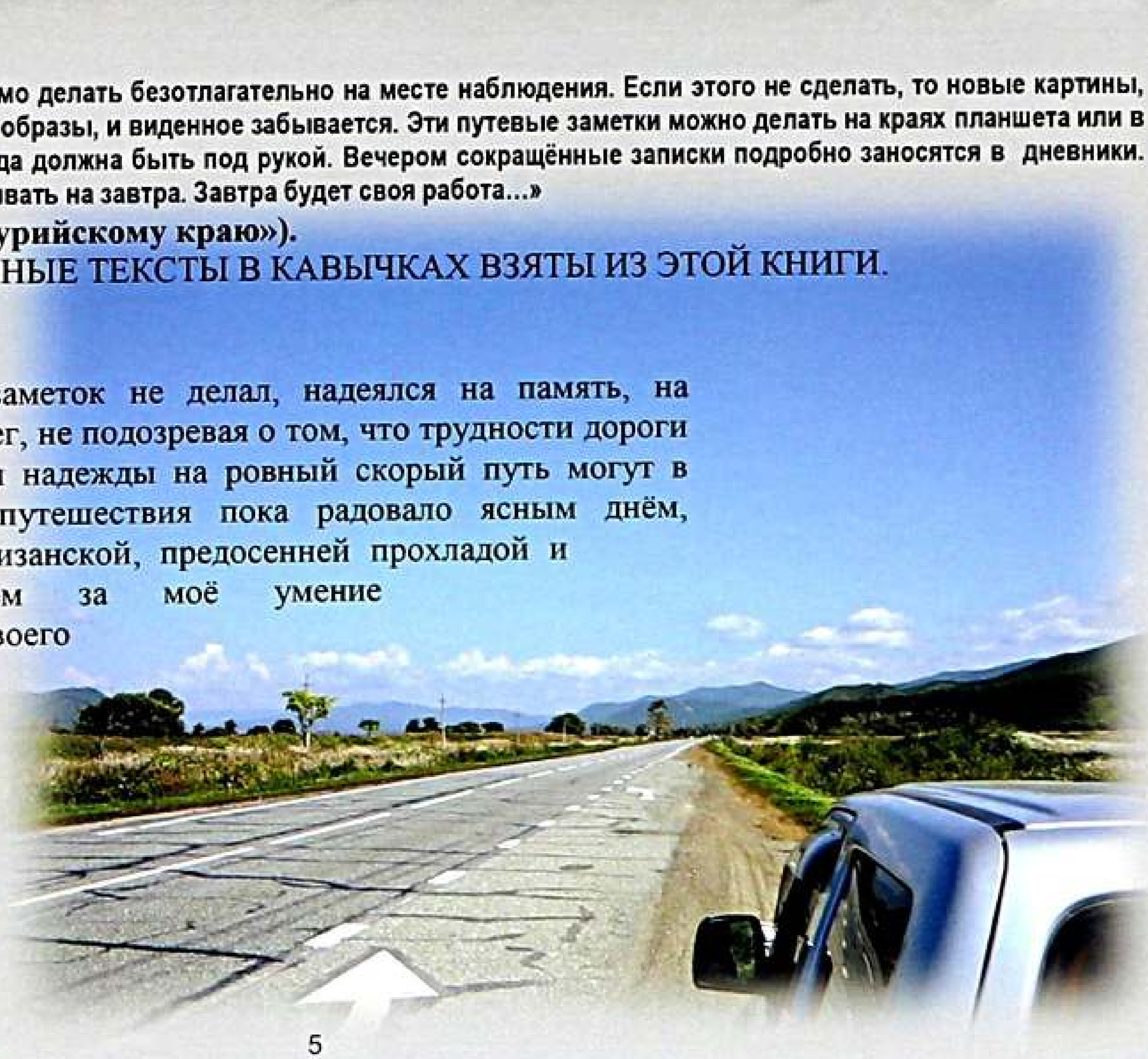
…Ярило-бог над цепью гор
Встаёт из сумрачного плена,
И дивный облака узор
Вскипает розовою пеной.
Так было, есть и будет так,
Но всякий раз опять впервые:
И этот вёдреный закат,
И дали злато-голубые…
Стихий замена чередой
Над Миром вечная повисла.
Нам в бесконечности такой
Не отыскать и тени смысла…

«…Путевые записки необходимо делать безотлагательно на месте наблюдения. Если этого не сделать, то новые картины, новые впечатления заслоняют старые образы, и виденное забывается. Эти путевые заметки можно делать на краях планшета или в особой записной книжке, которая всегда должна быть под рукой. Вечером сокращённые записки подробно заносятся в дневники. Этого тоже никогда не следует откладывать на завтра. Завтра будет своя работа…»

(В.К.Арсеньев «По Уссурийскому краю»).

ДАЛЕЕ ВСЕ ВЫДЕЛЕННЫЕ ТЕКСТЫ В КАВЫЧКАХ ВЗЯТЫ ИЗ ЭТОЙ КНИГИ.

Я же основательных заметок не делал, надеялся на память, на фотоаппарат и на скорый пробег, не подозревая о том, что трудности дороги могут спутывать все планы, и надежды на ровный скорый путь могут в одночасье рухнуть. Начало путешествия пока радовало ясным днём, раздольем долины реки Партизанской, предосенней прохладой и относительным спокойствием за моё умение первоначально скрыть от своего подвижника истинную длительность путешествия, и предполагаемую, так или иначе, жестокую тряску на грунтовках.



За Сергеевкой порадовала картина активной уборки картофеля. Жив ещё коллективизм! Когда-то выезд на такое мероприятие был обычным делом по осени на заводах и фабриках, в школах и вузах, вообще во всех мало-мальски солидных коллективах. Надо признать, весёлое и достойное это было общественно необходимое дело. Вспоминаю с грустью и без какого бы то ни было ёрничества…

Картина работы на земле всегда весьма приятна моей крестьянской душе. Труд сей чёрен, нелёгок, малоблагодарен, но именно земледелие в своё время проявило в людях доброту и милосердие, заставило человека встать с четверенек. Продолжая быть охотником либо собирателем природных даров, человек навсегда бы остался хищником…

Дорога на Лазо через перевал пыльная и по современным меркам весьма неудобна для путешествия, что, конечно же, как-то скрашивается раскраской предосеннего леса, но абсолютное очарование дорогой и природой приходит лишь на асфальте.

Лазо́ — село, административный центр Лазовского района Приморского края.

Расположено на юго-востоке края у слияния рек Лазовка, Киевка и Пасечная. Село было основано в 1907 году переселенцами из Брянской и Черниговской областей и названо Мономахова Слободка. В 1933 переименовано в село Вангоу. 26 августа 1949 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село получило своё современное название — Лазо, в честь Сергея Лазо, революционера и участника Гражданской войны[2]. Одновременно в село перенесён центр Соколовского района Приморского края с переименованием его в Лазовский район[3].Численность населения за последние годы падает и на 2010 год составляла 3434 человека

С завораживающим видом на уходящую вниз реку в Приморье встречаешься всякий раз, когда дорога лежит вблизи берегов. Сбегающие в океан реки чисты и стремительны, поскольку крут и короток юго-восточный склон Сихоте-Алиня. Чем выше к северу, тем выше и круче хребты, тем резвее и чище реки. Их много от малых неприметных ключиков до больших многоводных стремнин.

В иное сухое лето многие из рек совершенно пусты, но такая пустота весьма обманчива, и с первыми дождями такие суходолы вмиг заполняются водой, всё сметающей на своём пути, в том числе и малые деревянные мосты. Потому своевременно с заботой о завтрашнем дне и подновляются трассы в таких местах крепким бетоном и высокой насыпью.

Ещё совсем недавно лет тридцать-сорок назад о таких дорогах можно было только мечтать. Как бы мы не поминали плохим словом дороги на Руси, думается, время и труд людской своё дело сделают…

«...Кто не бывал в тайге Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли. Буквально в нескольких шагах ничего нельзя увидеть. В четырёх или шести метрах не раз случалось подымать с лёжки зверя, и только шум и треск сучьев указывали направление, в котором уходило животное. Вот именно по такой тайге мы и шли уже подряд в течение двух суток...»

Из автомобиля чуть по-другому видишь, и чащу и заросли, но дыханием леса, его неоглядностью и величием обязательно исполняется душа и нынешнего путешественника. Сердце замирает пред далями, открывающимися с перевалов, восторгается глаз красками пришедшей в тайгу осени…

«...Склоны гор, обращённые к морю, совершенно голые. В долинах берега рек, как бордюром, окаймлены ольхой и тальниками. В тех местах, где деревья подвержены влиянию морских ветров, они низкорослы и имеют жалкий вид. Во всякой лощинке, которая защищена от ветра, развивается растительность более пышная, чем на склонах, обращённых к морю. Таким образом, по растительности можно судить о преобладающих ветрах в данной местности и указать, где находится море...».

Таким показалось прибрежье В.К.Арсеньеву, когда после пребывания с 21 июня в Ольге он с отрядом 28 июля вышел к заливу Владимира. Меня же в любое время года наше Приморье очаровывает и красками, и неоглядным привольем, и даже довольно сырым воздухом, густонасыщенным запахами моря.

В 19 часов, одолев почти 350 километров, останавливаемся прямо на берегу моря у самого въезда в п.Ольга. Скорый ужин ещё тёплыми припасами из дома, горячий чай из термоса, уже в сумерках приготовление спального места и, наконец, сон. После довольно трудной и долгой езды не особо крепко спится. Не дают сразу заснуть и несколько комаров, выживших-таки из целого роя, после того как мы перед тем, как закрыться в машине, несколько минут выгоняли их. Но в принципе, отдохнуть до рассвета успеваешь вполне. Ночью уже прохладно, и машина целиком изрядно отпотевает, в маленьком салоне при чуть приоткрытых окнах свежо, но на надувном матрасе вдвоём довольно тепло, даже уютно, пусть в тесноте. Чуть забрезжил рассвет, ступаю на влажный песок, оглядывая открывшуюся картину свежего туманного утра у моря.

Убираем постель, наскоро, с благодарностью старому металлическому термосу, завтракаем всё ещё домашней едой под прилично тёплый чай. Оглядываю машину, чертыхаюсь на полуспущенное переднее правое колесо и... лезу за компрессором. Забегая вперёд признаюсь, подкачивал за всю дорогу четыре раза, но запаску так и не трогал. Потом дома ремонтируя колесо, нашёл маленький вроде иголки гвоздь. Будь колесо с камерой, так просто не отделался бы. Пока возился, над сопками встало солнце...

Залив Святой Ольги — залив Японского моря на юго-востоке Приморского края. Длина залива 11 км, ширина около 4 км. Берега возвышенные, покрыты смешанным лесом, являются восточными склонами Сихотэ-Алиня. Зимой залив не замерзает. Несмотря на зимнюю температуру воздуха около 11°С ниже нуля, температура воды зимой составляет 2—3 °С, благодаря Приморскому течению. Приморское течение также влияет на то, что даже в августе температура воды находится на уровне около 16 °С.

Залив одним из первых был освоен русскими первопроходцами в Приморье. Имеются проекты строительства сюда железной дороги. Вообще первоначальное освоение здешних земель намечалось именно отсюда. Только после обследования южных берегов Приморья приоритет был отдан Амурскому и Уссурийскому заливам, и центр края был положен там. Бухта названа по церковному календарю в день памяти Св.Ольги.

Вот в такое ослепительное небо ранним зябким утром (7 часов 10 минут) 20 сентября и уходила наша дорога.

Проезжая посёлок, остановились у памятника воинам, не вернувшимся с Великой Отечественной войны. Здесь в маленьком посёлке с населением в четыре тысячи душ на самом краю Отечества, читая длинные списки погибших, понимаешь, какой невосполнимой кровью далась та Победа...

Впереди через 150 км. нас ждал Дальнегорск!

«...Высокие горы с острыми и причудливыми вершинами кажутся величественными. Я несколько раз видел их впоследствии, и всегда они производили на меня впечатление какой-то особенной дикой красоты...»

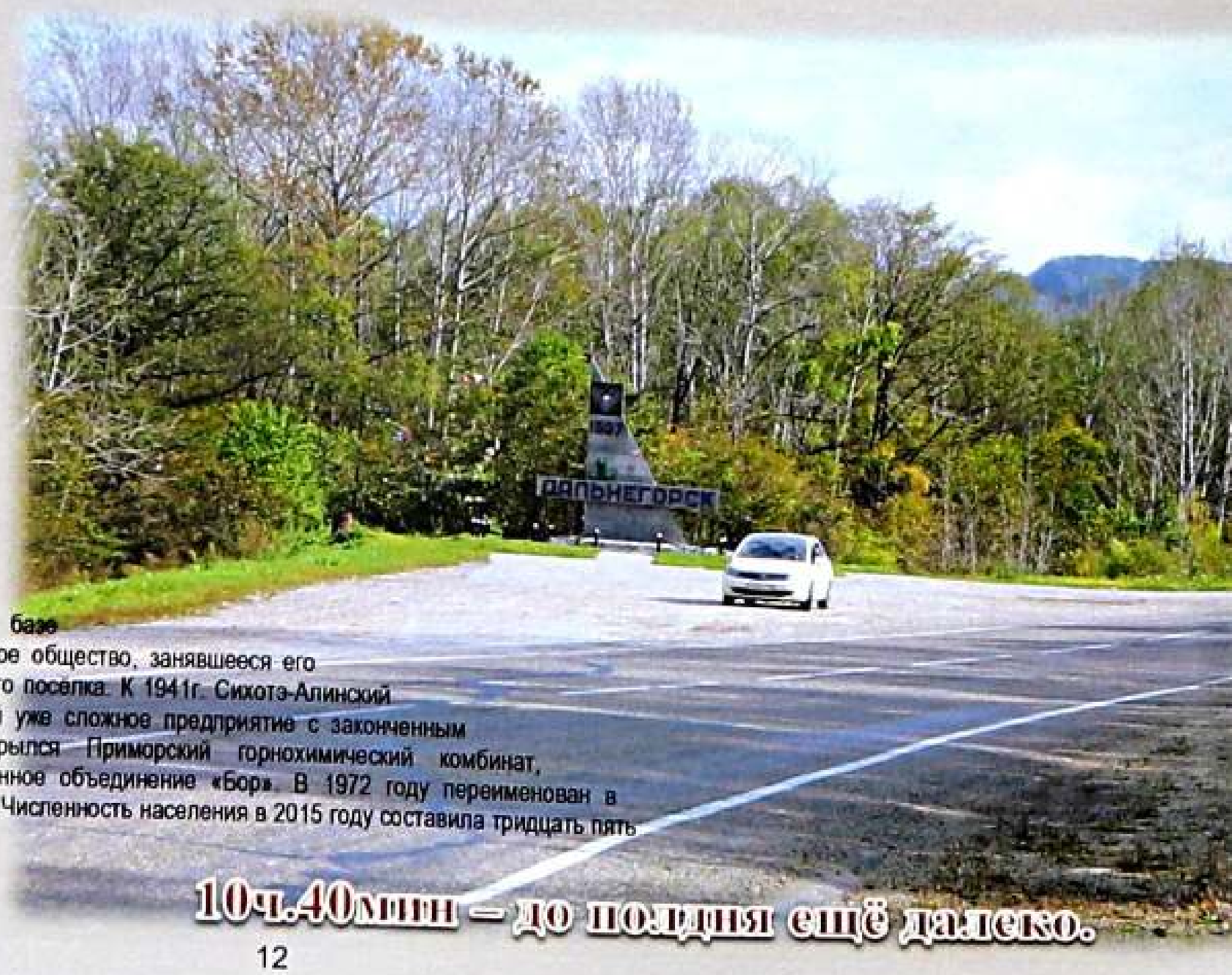
В путешествии на автомобиле картины природы мимолётны. И если поездка ещё и строго рассчитана по времени, то много красоты просто пролетает мимо взора, оставляя лишь возможность сожалеть и пытаться всё-таки пару секунд уделять для фото.

Показалось, что самые красивые окрестности дороги между Ольгой и Дальнегорском это район Базового перевала(высота ок.500 метров) на водоразделе между Арзамазовкой и Зеркальной и местность в верховьях р.Высокогорской, вдоль которой и идёт неплохая асфальтированная дорога.

Думается, у этих мест надёжнее и реалистичнее будущее, чем у наших мегаполисов с их всяческой цивилизацией. Эти девственность и красота вечны. Лишь алчность и деятельность человека способны как-то разрушить эту царственность. И даже против них у натуры есть способ выстоять: как только человек устанет от притязаний на главенство в природе, время тотчас будет на стороне этого великолепия…

«...У подножия хребта мы сделали привал. Сухая рыба с солью, пара сухарей и кружка горячего кофе составили обед, который в тайге называется очень хорошим...».

Три с половиной часа спокойной езды почти в безлюдье по довольно хорошей дороге давали нам основание не делать большой остановки в Дальнегорске.



Основан в 1897 году, как горняцкий посёлок Тетюхе, после экспедиции горного инженера С.В.Масленникова, которая в 1897 году обнаружила в отрогах Сихотэ-Алиня месторождение свинцово-цинковых руд. На базе месторождения было создано горнопромышленное общество, занявшееся его разработкой. В 1930 году получил статус рабочего поселка. К 1941г. Сихотэ-Алинский полиметаллический комбинат представлял собой уже сложное предприятие с законченным циклом производства олова. В 1965г. открылся Приморский горнохимический комбинат, переименованный впоследствии в производственное объединение «Бор». В 1972 году переименован в Дальнегорск. Статус города присвоен в 1989 году. Численность населения в 2015 году составила тридцать пять с половиной тысяч человек.

10ч.40мин – до полдня ещё далеко.

Проехали ведь только сто пятьдесят километров. Поэтому решили только дозаправиться бензином и на всякий случай прикупить хлеба или каких-либо пирожков. Поджидая супругу из магазина, я в лёгкой устали дремал, щурясь на мягкое яркое солнышко, и прикидывал трудности предстоящего пути до Пластуна.

Только через два часа миновав Мономахово, Рудную пристань, проехав километров семьдесят, остановились за Лидовкой. Здешний небольшой перевал, как и дорогу местами неспешно подновляют, и езда по такой трассе весьма утомительна и опасна. Особенно боишься обгоняющих тебя лихачей. Треснутое лобовое стекло нашего «малыша» знает не понаслышке о каверзах встреч с «искрами из-под коней таких джигитов».

Чуть съехав в удобном месте на обочину, обедаем частью ещё домашним припасом, частью уже магазинным из Дальнегорска.

12ч. 30мин. – обед!

Результат сотворчества Природы и человека всегда удивителен, и всегда природа обязательно вносит вклад значительнее и красочней. Она главный художник!

А там где человек не притрагивался к натуре, великолепие Её является во всей силе и простоте, от которых дух захватывает!.. Может быть, это ещё и потому что конец августа и сентябрь – самое лучшее время в Приморье. Об этом упоминает в своей книге и В.К.Арсеньев.

Удивительно то, что именно в такие же дни (20-21) сентября 1906 года именно здесь шёл его отряд…

В.К.Арсеньев с отрядом, обследуя побережье, делает этакие круговые заходы на северо-запад, возвращаясь на восток выходит к р.Зеркальной (Тадушу) в конце июля вдоль побережья, заходя в залив Владимира. Затем экспедиция от моря поднимается вверх по Зеркальной до водораздела, проходя места нынешнего Кавалерово, опускается с перевала Венюкова к Павловке, фактически вернувшись по кругу примерно до того места откуда 10 июня отряд проходил на Ольгу.(Тот путь мы проехали в прошлом году и я писал о том в своих записках за прошлый год). Это район нынешней Антоновки или п.Шумный. отсюда отряд поднялся вверх к северу на водораздел и спустился в бассейн р.Журавлёвки (Нотто). Примерно от того места где нынче п.Заветный 11 августа отряд по р.Дорожной (приток Журавлёвки) поднимается вновь на водораздел и в середине августа выходит в бассейн р.Рудной и опускается по р.Кривой (приток Рудной) до Рудной Пристани. С 28 августа по 7 сентября отряд поднявшись по самой Рудной до района нынешнего Дальнегорска, делает стоянку и обследует верховья р.Рудной. Арсеньев с одним из казаков, первалив 1 сентября на север водораздел, опускаются к одному из притоков Большой Уссурки (Иман), на другой день вновь поднимаются несколько восточнее назад на перевал и возвращаются к месту стоянки на Рудной. Затем 7 сентября поднявшись чуть севернее к перевалу Горбуша, отряд опускается по р.Лидовке к самому побережью и вдоль берега к 21 сентября добирается к заливу Рында.

…На подходе к заливу Рында отряд Арсеньева почти столкнулся с хунхузами. Стычка закончилась стрельбой на расстоянии и благополучно разрешилась с помощью другого отряда (ныне бы это называлось – бандформирование) благосклонно относящегося к продвижению экспедиции…

Наша же дорога от Ольги на Дальнегорск и далее легла резко на север вглубь Сихотэ-Алиня, и пересекалась с маршрутом Арсеньева в районе Устиновки. Совпадая с ним до Горнореченского(в этом месте путешественник встречается со своим проводником Дерсу)вновь идёт просто на север, где вновь пересекается с путём Арсеньева в Дальнегорске и повторяет этот путь до Пластуна. Нынешняя автомобильная дорога лишь местами совпадает с путями первопроходцев, и в принципе повторить их на автомобиле сегодня всегда можно…

Я подвёл сей утомительный рассказ к этой самой дате потому, что именно двадцатого сентября почти сто десять лет спустя и мы с супругой находились именно в этой точке Приморья. Это случайное совпадение я обнаруживаю потом при написании своих заметок и удивляюсь тому, и начинаю верить в некое провидение, в неслучайность своих путешествий, в какую-то таинственность поступков и происшествий…

21 сентября – Пластун!

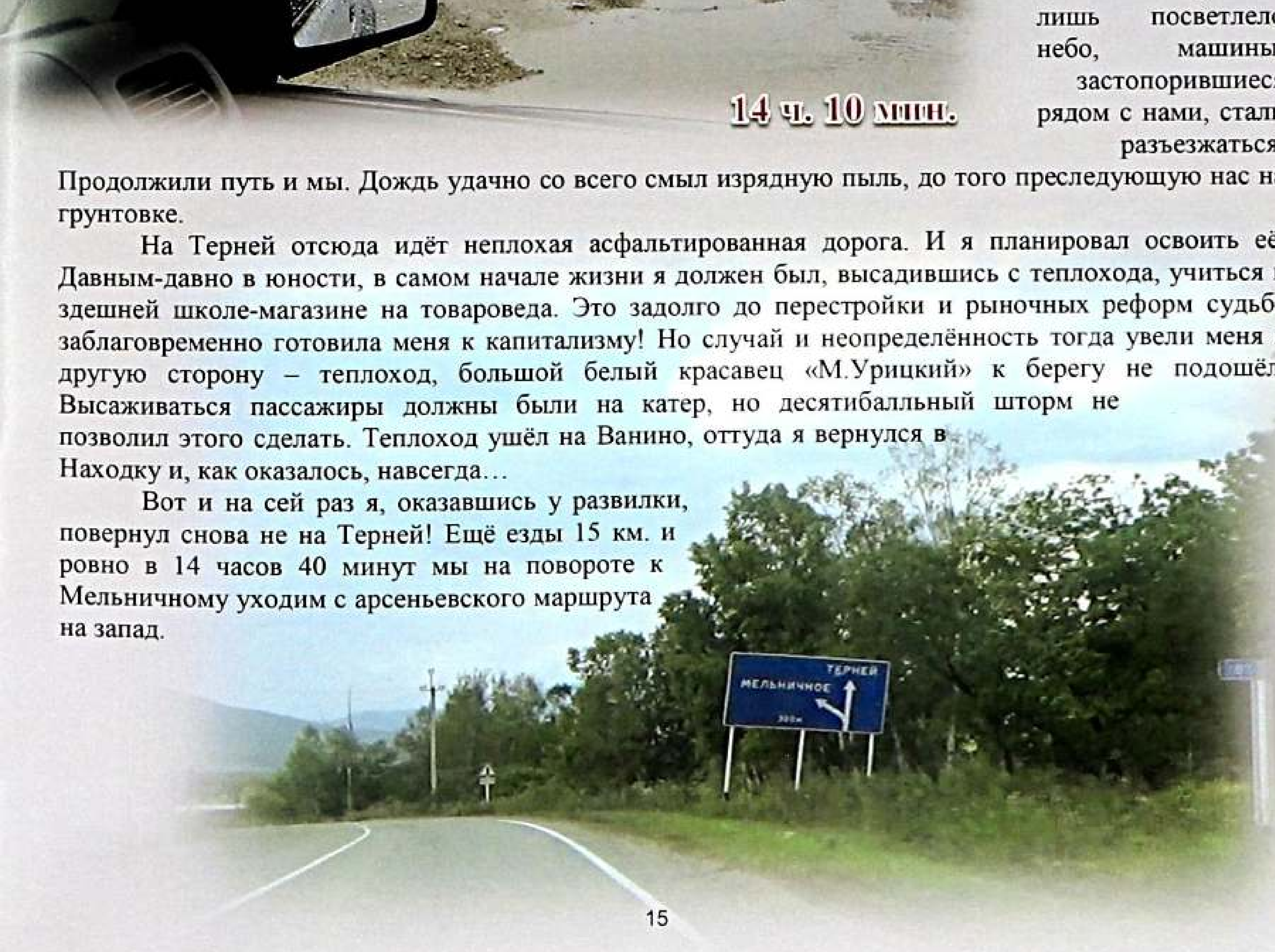
Ровно в 14 часов на подъезде к Пластуну по машине редко крупными каплями забарабанил дождь. По всем приметам впереди нас ждала гроза. Окрест наползал сумрак, непроглядное небо нависло прямо над дорогой. Остановились в посёлке, когда дворники уже не справлялись с потоком на стёклах. Впереди и прямо над нами громыхало так, что казалось наш малый автомобильчик уменьшается с каждым ударом грома ещё и ещё. На остановке, не умеючи кое-как управляясь с видеокамерой, я делаю небольшую съёмку. Затем при работе с записями, просматриваю её и всякий раз, слушая раскаты грома, чувствую трепет в груди…

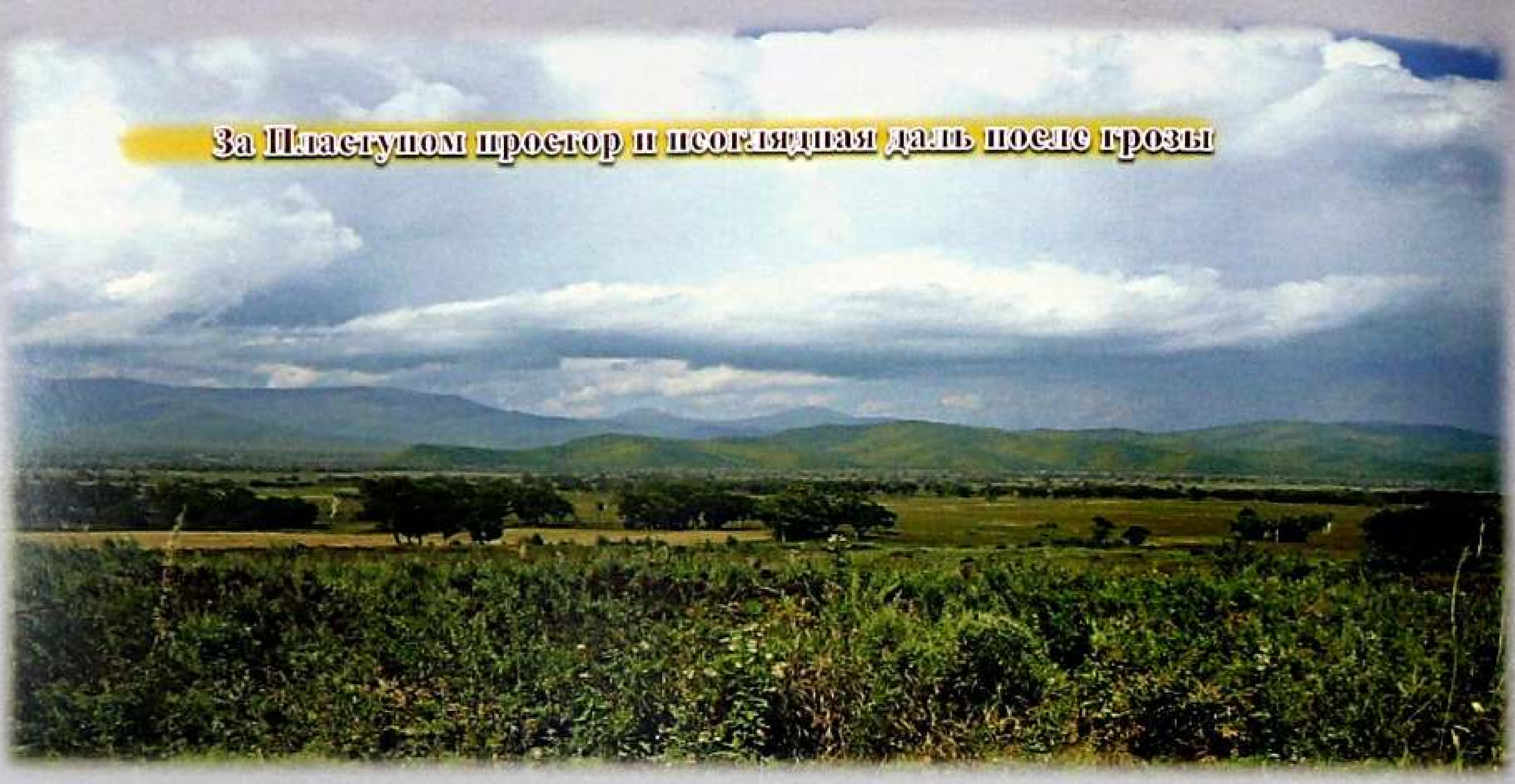
С 1907 года побережье бухты стало заселяться русскими переселенцами: вольными людьми, казаками для укрепления дальневосточных рубежей империи. Но русское поселение – Филаретовку, вероятнее всего основали старообрядцы, только уже после того, как здесь прошла экспедиция Арсеньева. В своей книге путешественник бухту называет Пластун, но официально это название упоминается только после переписи в 1926 году, когда здесь зарегистрировали десять человек, прибывших для развития рыболовства. Название происходит от корвета «Пластун», производившего обследование и опись берегов в 1859 году. Так, 1926 год стал официальной датой основания посёлка. В 1930-е годы Филаретовка прекратила существование, её территория стала частью Пластуна. С тех пор поселение было и рабочим посёлком, и колхозом, и зверосовхозом. В шестидесятые годы прошлого столетия был утверждён план строительства здесь лесопромышленного комплекса и морского порта. Реализация этого плана несколько приостановилась с распадом СССР. Но люди отсюда не уйдут, поскольку здешние благодатные места располагают к неплохой жизни. Здесь всё для такой жизни есть...

Гроза остановила нас на десять минут. И лишь посветлело небо, машины, застопорившиеся рядом с нами, стали разъезжаться. Продолжили путь и мы. Дождь удачно со всего смыл изрядную пыль, до того преследующую нас на грунтовке.

На Терней отсюда идёт неплохая асфальтированная дорога. И я планировал освоить её. Давным-давно в юности, в самом начале жизни я должен был, высадившись с теплохода, учиться в здешней школе-магазине на товароведа. Это задолго до перестройки и рыночных реформ судьба заблаговременно готовила меня к капитализму! Но случай и неопределённость тогда увели меня в другую сторону – теплоход, большой белый красавец «М.Урицкий» к берегу не подошёл. Высаживаться пассажиры должны были на катер, но десятибалльный шторм не позволил этого сделать. Теплоход ушёл на Ванино, оттуда я вернулся в Находку и, как оказалось, навсегда…

Вот и на сей раз я, оказавшись у развилки, повернул снова не на Терней! Ещё езды 15 км. и ровно в 14 часов 40 минут мы на повороте к Мельничному уходим с арсеньевского маршрута на запад.





За Пластуном простор и неоглядная даль после грозы

Отряд первопроходцев уходил дальше по побережью к Тернею, чтобы оттуда в октябре месяце пересечь край поперёк.

Опять из юных лет приходит на память краткосрочное моё пребывание на севере края в посёлке Восток. В те далёкие годы там строился вольфрамовый обогатительный комбинат, вводили в строй новую дизельную электростанцию, в наладке её чуть поработал и я.

Нужно было бы побывать и там нынче. Я подробно и внимательно прошёл за Арсеньевым там в верховья Имана… теоретически. Может быть и осмелюсь когда даст случай. Отважный народ знает от Тернея таёжные дороги к Дальнереченску, в том числе и через Восток, но мы с супругой, не испытывая судьбу, делаем и так достаточно рискованный шаг, поворачивая с хорошей дороги на грунтовку. Теперь только перед Мельничным (Сидатун), куда Арсеньев перейдя Сихотэ-Алинь севернее, спустился по Колумбе, наш маршрут вновь совпадёт с маршрутом его экспедиции…

Впереди до конца дня предполагалось проехать отсюда к Мельничному сто тридцать километров. Гроза не преследовала нас, но чуть моросило, дорога была влажной, что даже как-то радовало – не будет пыли!

Конь-огонь

Автомобиль «Джимни» 1998 года ко мне «напросился» три года назад, когда у него на спидометре было 70 тысяч километров пробега. Двигатель (1,3) по мощности вполне удовлетворяет мои нынешние запросы. Коробка автомат несколько медлительна, вероятно, до меня была в ремонте, и, подозреваю, потребует вскоре к себе внимания и от меня. Но приспособившись, одолеваю на ней уже пятый десяток тысяч километров, поменяв один раз декстрон. Каких-то больших работ с ним за это время не делал. Конечно, где-то что-то подтянул, поджал, отрегулировал, заменил по мелочам, одним словом обычная забота о рабочем авто. За сорок три года своего шофёрства такая работа вполне привычна и обязательна во всех смыслах.

Освоить автодело когда-то подвигла моя одноногость. Начинал с «ЗАЗ-968» с ручным управлением. За двадцать лет немало побил и много ремонтировал бедолагу «Запора», потом отважился сесть на механику с обычной педалью сцепления и года четыре совмещал этот замечательный вид транспорта с семёркой «Жигой». С приходом иномарок как-то сразу сел на 750-килограммового пикапа «Ниссан-Датсун». Мечта любого дачника, старый избитый несусветный трудяга служил мне десять лет. Но и ремонта с ним было, надо признаться, выше головы! С 2003 года катался с шиком, почти по-барски на «Делике». Семейная машина! О ней я рассказывал во втором буклете после прошлогоднего путешествия по краю. С протезом на механике весьма сложно управляться с педалью сцепления, но как-то приловчился, скрывая, правда, всегда факт сей от гаишников. Так было до недавних пор, пока не травмировал ещё сильнее культю. Так решил пересесть на автомат.

Инвалидность частенько препятствует участию во многих мероприятиях. Даже родственники и друзья любители походов и путешествий не особо расположены привлекать в свою компанию, за исключением может быть каких-то специальных проектов. Да и сам, признаюсь, никогда не пытался угнаться. По мере сил и возможности скромно управляюсь сам со второй своей половиной.

На «Джимни» в 2014 году мы с ней проехали маршрутом, описанном в первом буклете. Нынче отважились проехать более 1500 километров дорог, добрая половина которых не лучшего качества грунтовка. Нахожу, что автомобильчик вполне пригоден для путешествия вдвоём. Бережное отношение к нему возвращается его достаточной выносливостью, проходимостью, неприхотливостью в эксплуатации. При средней скорости 42-45 км/час. на весь путь ушло 120 литров топлива. Восемь литров на сотню км. – весьма неплохой расход, хотя машинка несомненно тесна, без комфорта, жестка на ходу. Но 57 часов поедки, из которых 20 часов ушло на две ночёвки, выдерживаешь физически нормально, не выбиваясь особо из рабочего ритма. Уезжали мы в субботу, а во вторник я уже вышел на работу…

мой верный любимый подвижник

Дорога на Мельничное весьма и весьма прилична. Если задаваться идеей отдыхать здесь с удочкой на каком-нибудь притоке или на самой Джигитовке, то замечательнее места можно будет найти, может быть, только севернее. Здесь же важным аргументом будет именно дорога, на которой нет большой опасности разбить машину. Красоту здешних речек приметил и Арсеньев, уходя к Тернею от Джигитовки вверх по её левому притоку Куналейке.

«...Дунгоу порожиста и мелководна. Некоторые пороги очень красивы и имеют вид небольших водопадов...»

...При правильной подготовке к путешествию обязательно распределение обязанностей. Кто-то должен хорошо и быстро ориентироваться во время съёмки. А фотографировать было что! Дорога к Мельничному преподнесла нам встречу с небольшим гуртом диких свиней. Чуть моросил дождь, на камеру мы снимать не умели вообще, и то, что получилось, я попробовал вытащить из коротенькой видеосъёмки на фото.

С приближением вечера все зверушки в лесу явно активизируются. Мы сбились пересчитывать перебегавших дорогу бурундуков, на каком-то из поворотов под колёса нам чуть было не угодил здоровенный барсук. Чтобы сделать фото в таких условиях нужно обладать профессионализмом в высшем понимании этого искусства. У меня же после таких встреч остаётся лишь память, да может быть вот такая плохонькие видеозапись и фото…

Нельзя было ни остановиться в нескончаемых березняках, где, кажется, даже сам воздух лёгок и прозрачен до невероятности. А перед чудом разгорающихся красок по склонам сопок вообще застываешь безмолвно очарованным и счастливым…

«...Верховья Имана покрыты густыми смешанными лесами. Трудно себе представить местность более пустынную и дикую...»

Фактически Арсеньев говорит это о Колумбе, по которой экспедиция спускалась в двадцатых числах октября к Сидатуну(Мельничное), переждав на перевале снежный ураган. Река к тому времени уже покрылась льдом, и вероятно окрестности действительно своей пустынностью навевали такое чувство. По этим же безлюдным местам едешь здесь и автомобильной дорогой, выезжая на Колумбе с юга, и потом, пересекая Большую Уссурку после слияния Колумбе с Иманом у Мельничного. Но, признаться, чувства пустынности не испытываешь. Вероятно, тёплое начало осени, встречные и обгоняющие изредка машины, наконец, неплохая дорога дают основание для оптимизма…

Великое очарование душе и взору приносит в путешествии вода: малая и суетливая в небольших ручьях и большая, взбугрившаяся почти под самый настил мостов на крупных реках…

Ровно в восемнадцать часов мы были в Мельничном. Нужно было искать место для ночлега.

«...На Сидатуне мы простояли с 27 по 30 октября. За это время я успел осмотреть посёлок и ознакомиться со всеми его обитателями. Это были большею частью различные преступники, беглые, уклоняющиеся от суда, и искатели приключений, бурные страсти которых не знали пределов. Они ничего не делали, курили опий, пили водку, играли в кости, ссорились и ругались между собой. Обитатели каждой фанзы делились на три группы: хозяев, работников и бездельников, живущих на средства, добытые грабежами и убийствами...»

Таким видел Мельничное В.К.Арсеньев. Я же странным образом не сделал ни одного фото. Наверно потому, что без малого одиннадцать часов езды по незнакомой дороге, приближающийся скорый вечер и просто разгильдяйская надежда на утро сделали своё – я забыл про фотоаппарат при въезде в село. Не вспоминал о нём и когда останавливался у добротных ворот одного из дворов и разговаривал о дальнейшем пути в Рощино с молодым здоровым мужиком, ремонтирующим колесо неплохой иномарки. Впереди ещё было чуть более ста километров...

Мы решаем ночевать чуть дальше на окраине Мельничного, съехав с дороги на поляну, надеясь на то, что здесь немного сквозит ветерок и комары будут не так донимать…

«...Кругом в лесу и на поляне стояла мертвящая тишина, нарушаемая только однообразным жужжанием комаров. Такая тишина как-то особенно гнетуще действует на душу. Невольно сам уходишь в неё, подчиняешься ей, и, кажется, сил не хватило бы нарушить её словом или каким-нибудь неосторожным движением. В воздухе и на земле становилось все темнее и темнее. Кусты и деревья начали принимать неопределённые очертания: они казались живыми существами и как будто передвигались с одного места на другое. Порой мне грезилось, что это олени; фантазия дополняла остальное...»

Моя же фантазия даже отдалённо не могла предполагать, что появившиеся из зарослей животные через пару минут заставят нас покинуть выбранное место. Подросший к своей половозрелости бычок явно видел в нас угрозу или препятствие и собрался тут же преодолевать его. Зная упрямство и враждебность подобных особей ещё по пастушьему детству, не пытаясь и противостоять его натиску, мы наскоро сворачиваемся. Перебравшись чуть далее от деревни ещё на пару сотен метров понадеялись, что телята уйдут к ночи домой. Но не тут-то было! Агрессивный индивид в сопровождении своих подружек не замедлил объявиться, лишь мы вновь расположились ужинать.

Чертыхаясь и нервничая, я принимаю решение одолеть ещё сто километров и по-человечески отдохнуть в… Рощино. От Ольги мы проехали чуть более трёхсот пятидесяти километров. Это сравнительно мало за день. Надвигающиеся быстро сумерки торопили.

Не имея навигатора, мы действительно рисковали. На имеющейся у меня неплохой карте 1987г. дорога к Мельничному ещё строилась. Правда, компьютерный путь в теории я прошёл не единожды, но впереди была ночь!..

Это опрометчивое решение сломало весь мой дальнейший план. Вообще с самого начала это путешествие не складывалось. Отсутствие должной поддержки вызвало во мне ещё при подготовке лишь торопливость и неудержимое желание просто проехать любой ценой намеченный маршрут как можно за короткое время. Мельничное было как раз срединным пунктом маршрута, это и перевесило в решении за один день вернуться домой…

Ровно в 19 часов, прибавив газу,

мы устремились к Рощино...

Работая уже над записями, рассматривая карту, я обнаружил, что путь пройденный именно в эти часы самый опасный и фактически на старой карте не просматриваемый. Я руководствовался памятью компьютерного маршрута и просто дорогой. Несколько раз она раздваивалась, а то и просто была перекрёстком, но в свете фар интуитивно мне всякий раз удавалось избежать ошибки. Уже потом, размышляя, я понимал, что эта местность мало-помалу осваивается, дороги приходят и сюда. И не свернуть куда-нибудь в тупик или по кругу нам просто помогало чудо!

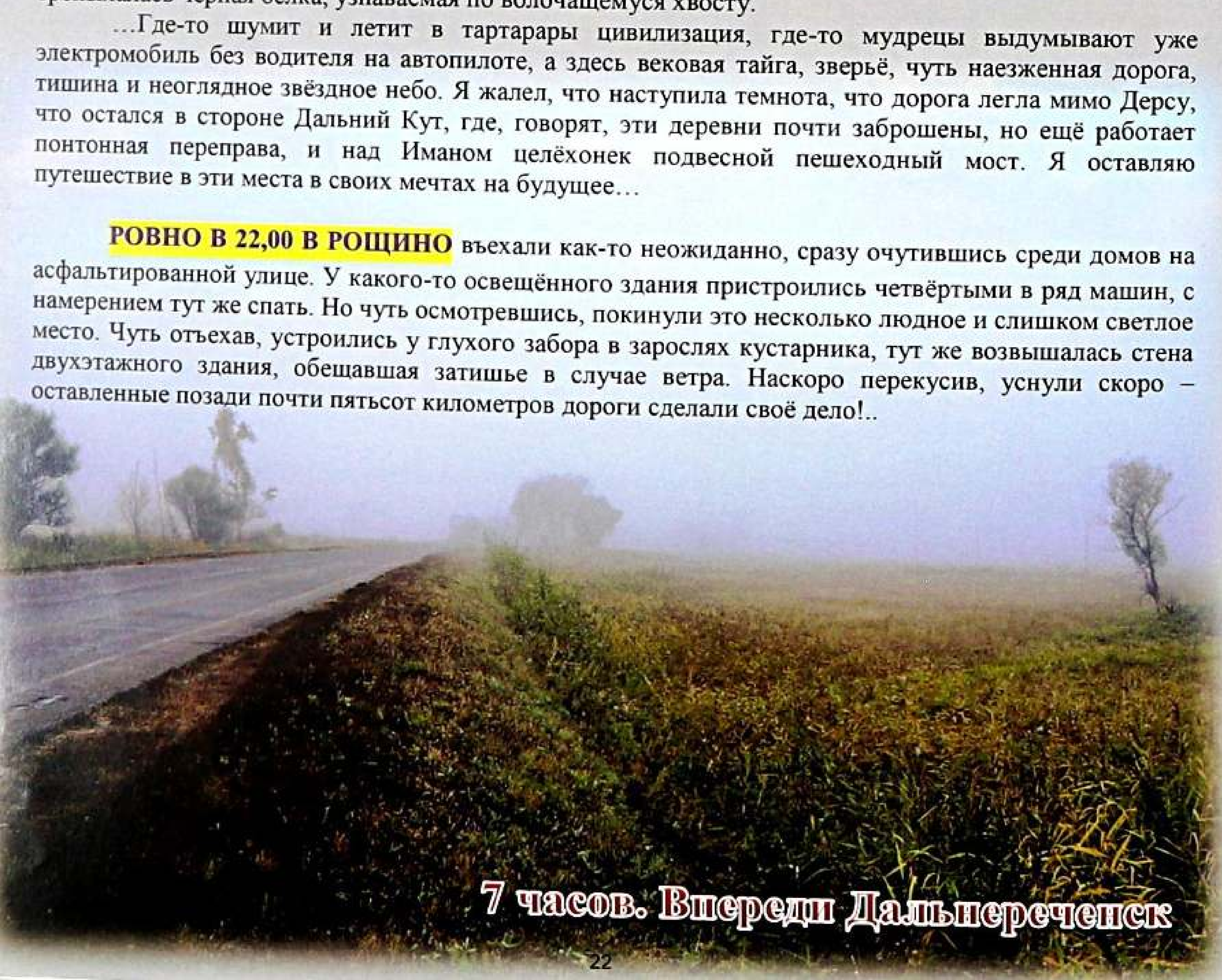
Темнота вскоре скрыла от нас перспективу, и **ТРИ ЧАСА ПУТЬ НАШ ПРОДОЛЖИЛСЯ В ТЕМНОТЕ И НАПРЯЖЕНИИ**. Но во всём нам сопутствовала удача. Большие дожди прошли ещё в августе, потому дорога была сухой и благополучно подправленной в наиболее опасных местах, где явно были в своё время бурные потоки. Машина, несмотря на спускаемое колесо, ни разу не подвела. Большой усталости я не чувствовал, хотя до последних сумерек всё приглядывал место под остановку прямо в тайге.

«...Путешествие по тайге всегда довольно однообразно. Сегодня - лес, завтра - лес, послезавтра - опять лес. Ручьи, которые приходится переходить вброд, заросшие кустами, заваленные камнями, с чистой прозрачной водой, сухостой, валежник, покрытый мхом, папоротники удивительно похожи друг на друга. Вследствие того что деревья постоянно приходится видеть близко перед собой, глаз утомляется и ищет простора. Чувствуется какая-то неловкость в зрении, является непреодолимое желание смотреть вдаль. Иногда среди тёмного леса вдруг появляется просвет. Неопытный путник стремится туда и попадает в бурелом. Просвет в лесу в большинстве случаев означает болото или место пожарища, ветролома. Не всегда бурелом можно обойти стороной...»

Издали ещё приметили перебегающего через дорогу зверя. Вблизи узнаём: оказавшись в свете фар, замешкалась, чуть не упустив добычу, перескакивая грейдерную бровку, лисица. В зубах её трепыхалась чёрная белка, узнаваемая по волочащемуся хвосту.

...Где-то шумит и летит в тартарары цивилизация, где-то мудрецы выдумывают уже электромобиль без водителя на автопилоте, а здесь вековая тайга, зверьё, чуть наезженная дорога, тишина и неоглядное звёздное небо. Я жалел, что наступила темнота, что дорога легла мимо Дерсу, что остался в стороне Дальний Кут, где, говорят, эти деревни почти заброшены, но ещё работает понтонная переправа, и над Иманом целёхонек подвесной пешеходный мост. Я оставляю путешествие в эти места в своих мечтах на будущее...

РОВНО В 22,00 В РОЩИНО въехали как-то неожиданно, сразу очутившись среди домов на асфальтированной улице. У какого-то освещённого здания пристроились четвёртыми в ряд машин, с намерением тут же спать. Но чуть осмотревшись, покинули это несколько людное и слишком светлое место. Чуть отъехав, устроились у глухого забора в зарослях кустарника, тут же возвышалась стена двухэтажного здания, обещавшая затишье в случае ветра. Наскоро перекусив, уснули скоро – оставленные позади почти пятьсот километров дороги сделали своё дело!..



7 часов. Впереди Дальнереченск

В 6,45 ЗАПРАВЛЯЕМСЯ ТОПЛИВОМ И ВЫЕЗЖАЕМ К ДАЛЬНЕРЕЧЕНСКУ. Ровная дорога, ещё советских времён асфальт. На траве холодная роса! Сквозь густой туман проглядывает встающее солнце. Навстречу три «крутых» внедорожника с верхом поклажи на багажниках – верно, помчались в те места, откуда мы выбирались вчера по темноте…

«...За Картунскими воротами долина опять расширилась. Я поднялся на одну из сопок. Интересное зрелище представилось моим глазам. На восток шла долина Имана: она терялась где-то в горах. Но на запад, север и юг, насколько хватал глаз, передо мной развёртывалась огромная, слабо всхолмленная низина, покрытая небольшими группами редкого лиственного леса, а за ними на бесконечном пространстве тянулись поля, поросшие травой и кустарниками. Эту огромную низину китайцы называют Лофанза. Она длиной 80 километров и в ширину по крайней мере 50 километров. Места эти казались весьма удобными для земледелия. Однако нигде фанз не было видно. Китайцы избегают их, и, вероятно, не без основания: или земля здесь плохая, или она затопляется водой во время разливов Имана...»

Деревни описанные Арсеньевым: Гончаровка, Лукьяновка, Вербовка, Гоголевка – пролетаем одним махом. Если бы делать остановки, понадобились бы ещё целые сутки, как я и планировал, но уже «включился счётчик» быстрого возврата домой, и потому оставалось лишь созерцать долину Большой Уссурки, укрывшую саму реку в зарослях под густым туманом…

9 ЧАСОВ. ДАЛЬНЕРЕЧЕНСК!

Как мне думалось завернуть обязательно в этот замечательный город, в котором когда-то прошёл целый год моей юности, в котором оканчивал одиннадцатый класс в деревянной школе на улице имени Рябухи, в котором понравилась суровая зима и тёплое погожее лето, из которого пятьдесят лет назад навсегда ушёл во взрослую жизнь.

Но житьё-бытьё наше так нервно и непросто устроено, что на перекрёстке перед Дальнереченском, от которого всего-то несколько сот метров до заветной улицы Свердлова, где недалеко от строительной организации в многоквартирном доме барачного типа мы проживали, я принимаю решение не заезжать в Дальнереченск, изменить намеченный маршрут по центру края и быстро вернуться домой по трассе Хабаровск – Владивосток. **Это решение чёрной полосой невыполненного задания легло в «послужной список» моих будущих задумок…**

***

Я люблю тебя край
Необъятных морей
И тайги, неохватной глазами.
А ещё, так и знай,
Крепче нет и сильней
Уз единых и кровных меж нами.
Светлым чувством томим,
На вершину взберусь,
Обдирая до ссадин колени…
Будто сердцем своим
До Руси дотянусь,
Вмиг распутав тенета сомнений.
Задержусь на яру,
Задохнувшись от слёз.
В сердце гордость волной накатила…
И звенит на ветру
Пара белых берёз,
Песней верности родине милой.

***

Уже легка в руке сума
Достатка нужного для жизни,
И дерзость вольного ума
Упрямо клонит мысли к тризне.
Лишь мерой пройденных дорог
Оберегаем и подсуден,
Скажу смиренно: «Дай-то, Бог,
И эту малость – в пользу людям…»

В тайге ночью при езде без каких-либо дорожных указателей по незнакомой дороге у нас была средняя скорость до сорока километров в час, а после Дальнереченска на довольно большом участке дороги мы ехали чуть больше десяти. Быстрее по этому долгострою не поедешь!..

Но выбравшись на большую трассу, безоговорочно признаёшь все преимущества современной благоустроенной дороги. По такому асфальту наш малыш «Джимни» при скорости сто двадцать километров пытается оторваться от земли. Снимали плохонькой видеокамерой, не умеючи, на ходу. Из этого кое-что я попытался сделать фотографиями.

На полчаса с 10,30 до 11,00 останавливались в Горных Ключах. У самой трассы перекусили провиантом из местного магазина. Нынче путешествовать на автомобиле можно налегке, не заморачиваясь проблемой питания. Правда, при наличии достатка в средствах, и соблюдая осторожность при выборе продуктов, будь то у частного или государственного торговца...

Придержались чуть на придорожном рынке у Васильковского перекрёстка. Подрёмывая в машине, я щурился на яркое солнце. По обочинам вовсю суетился народ вдоль красивых рядов, заполненных всяческим осенним сельским продуктом.

Высокое небо вскипало пеною облаков, но солнца и лёгкого ветерка было так много, что облака вовсе не давали тени, и средина дня складывалась яркой и тёплой, если ни сказать – жаркой…

За Черниговкой больше не останавливались. Запомнилась новая автострада, оставляющая Уссурийск в стороне. С приходом таких дорог в край, расстояния здесь, несомненно, сократятся, и поездки во Владивосток, в Хабаровск станут обыденностью.

После неудачного блуждания на владивостокской развязке, где потерял почти час времени, **В 19,00 МЫ – ДОМА!**

Расстояние от Рощино до Находки – шестьсот восемьдесят три километра мы одолели за двенадцать часов, включая остановки на отдых, ошибки и пр. Это абсолютно совпадает с компьютерным расчётом. Весь путь составил 1557 километров. На это при средней скорости 42 км/ч. ушло 57 часов, из них 20 часов потрачено на сон. Общие затраты на бензин составили четыре с половиной тысячи рублей. Средний расход топлива 8 литров на 100 км.

Находка, ул. Рыбацкая,
21 сентября 2015 года. Всё так же тепло!

…И опять я не прощаюсь со своим читателем!
В будущем обязательно проеду по дорогам центра края и замахнусь на поездку к Амуру, а может быть и далее, и потом расскажу об этом в новой брошюре…

"ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ..."

...У каждого пишущего должен быть обязательно свой редактор. Беда если нет. Моим редактором мог бы быть Валентин Михайлович Фёдоров. Хабаровчанин, родившийся в Москве, большой добрый писатель, более тридцати лет проработавший в журнале «Дальний Восток», из них более двадцати главным редактором. После прочтения его книги «Сюжеты странствий» в 2004г.я написал ему. Три года изредка мы обменивались приветами. В одном из его писем ко мне есть строчка-сожаление – «где же вы были в девяностые...?», когда он ещё возглавлял журнал. В 2007г. от него перестали приходить письма, я понял, что его не стало..., и мои обещания побывать у него в Хабаровске на улице Владивостокской остались несбывшимися.*

Так уж сложилась судьба...

***Валентин Михайлович Фёдоров**

«Сюжеты странствий», повести, рассказы, очерки, издание «Редакция журнала «Дальний Восток» г.Хабаровск 2000г

Прочёл его книгу «Сюжеты странствий». Долго сидел в странном забытьи, проворачивая мысли о прочитанном, сочувствуя и сопереживая всё ещё героям его, но потом вдруг почему-то прервал размышления и, несколько пожалев, что о сегодняшнем дне ни строки нет, о «перестройке» хотя бы слово-два, написал о своих чувствах…

По нелепой и несносной привычке читать взялся с конца, с очерков. Резво, без должного внимания проскочил пару эпизодов (отметил на 543 стр. огрех - «…сорвало задний трюм…» - вероятно речь идёт о трюмной крышке), стало понятно – очерки написаны в разные годы, и по некоторым «ориентирам» всё говорит о шестидесятых годах прошлого века («…сразу после войны приехал и уже 16 лет на Улье» – «Счастливый Характер»). Это время расцвета освоения территорий на Севере, да и у нас в Приморье это было заметно. Советское государство вкладывало капиталы в развитие Дальнего Востока и одновременно питало надежды на прирост населения, а значит и на производительность труда. И дело шло к тому, но, увы, нынешнее положение дел в наших местах говорит о другом…

Я оставил очерки, безразлично перескочил на рассказы и вот тут-то тормознул. Чтение увлекло и взволновало. Герои в рассказах – люди, которых я люблю, о которых всегда болит душа. О знатных да великих много и часто ещё напишут, а вот о таких кто постарается…? Припоминаю из «Памяти» Владимира Чивилихина – «…Часто необыкновенно скромные и действительно не сделавшие ничего этакого выдающегося люди, однако, очень заметно влияют на окружающих своим нравственным обликом, делают других лучше и чище, а свет их души, как свет погасшей звезды, долго ещё тихо греет, струит тёплым лучом сквозь мир, согревая людей благодарной памятью…». Ещё нужно подумать, от кого пользы более – от тех, кто скоро, пусть даже и славно умирает или от тех, кто долго и просто живёт…? Вдобавок нужно принимать во внимание тот факт, что в иные времена да в иных местах перед человеком стоит задача – просто выжить…. Где бы было сегодня человечество, если бы все вдруг кинулись подражать, особенно в смерти, первым…?

Прочитал рассказ «Адюльтер», по понятным причинам название заинтриговало, поскольку тема сия во все времена была притягательна со всех сторон. Очень

понравилось, как продвигается по нарастающей чувство героя от супружеской любви до страсти к другой женщине - «…о жене Доров вспоминал в командировках часто со счастливой благодарностью», «…мысленно благодарил жену, и ему ещё больше захотелось домой», но, сравнивая далее её с другой женщиной, припоминал уже как «…бывала жена услужливой до приторности и на людях, и дома, что он иногда ненавидел её». А вот как растёт страсть при виде другой женщины - «…сладко щипало сердце», «…находил новый восторг на Дорова», «…умиление охватывало его», «…заволновался ещё пуще», «…наблюдал за каждым её движением», «…не очень умно сказал… и смутился», «…болезненно переживал», «…совсем осмелел», «…испуганно толкнулось сердце», «…голова тотчас приятно затуманилась, потеряла ясность», и когда «…саксофон голосом гулливой изюбрихи позвал всех на танго» « …он презирал и ненавидел её всё время пока она танцевала с гостем». Сравнение с изюбрихой было чудным и вызвало у меня улыбку. Вообще признаюсь, умничанье, некоторая поза, редкое, может быть, старое словцо всегда мне нравятся. «Чужой дом, если он не отвращает холодом аскетической пустоты, всегда напоминал ему антикварную лавку или столичный комиссионный магазин…» - хорошо, чуть с иронией, с этакой многозначительностью в довольно коротком предложении.

И вот уже сопереживаю героям из рассказа «Сватовство» - «…И робость взяла его, как вяжет рот непоспелая черёмуха…», «…Жёлтый огонёк свечи обрадовал Пал Палыча, как в детстве радовала новогодняя ёлка…», «…Темнота ночи, как живая, бурлила перед его глазами…». В первом примере сначала показалось, в семантическом плане не всё верно, но поскольку сравнение понравилось звуками – роб, вз, вяж, рот, посп, чер, поразмыслив, я согласился с автором окончательно и бесповоротно. Рассказ каким-то образом провернул в памяти мотивы из Шукшина (Царство ему Небесное…), и невольно сравнивая какие-то похожие ситуации, я припомнил у Василия Макарыча некоторую незаконченность, оптимистическую, обнадёживающую, но всё-таки незаконченность. У Фёдорова же рассказ заканчивается чуть с грустью, чуть с сожалением, но без пессимизма, одним словом как в жизни. Где-то в безмолвных упрёках и пререканиях героев спрятано добро, обыкновенное человеческое тепло, понимание друг друга. Это не безнадёга, не край, это просто жизнь – какая бы она не случилась, она всё равно продолжается…

Удивительное умение в простейшей, казалось бы, заурядной ситуации находить героев, и даже вовсе не простых героев, а удивительно чистых людей, вокруг которых все сколь просты, настолько же и красивы, как в рассказе «Эксперимент». «…То ли от любви к справедливости было это у Гришуни Лапузина, то ли он дурью маялся…», «…Он любил в таких ситуациях пострадать один…» - и вот уж затронут нерв в читательской душе, и звенит он и откликается на добро, щемит сердце болью за героев, и наворачивается в глазах слеза сопереживания и благодарности писателю за то, что углядел, не забыл таких малых и чистых людей, за то, что есть они ещё ныне наперекор вывернувшемуся вселенскому прагматизму и вычурной людской спеси…

А в другом рассказе («Воздух природы нерукотворной») проникаешься лёгкой иронией, какой-то грустью за человеческое несовершенство, пасуешь перед пошлостью и понимаешь, как всё-таки слаб человек… «Жена Эдика, высокая худая женщина, болезненно бледнолицая, мучалась печенью и лечилась покоем…». И ещё в рассказе трогает природа, описанная кратко, точно, словно сочными яркими мазками: «…Пахло ночной осокой и речной тиной…», «…Ночь была лирической – стыдливо тихой, с ясной светлой луной, с тёплой росой под ногами…».

Особый разговор о повестях.

«Северная быль» захватывает сюжетом, но меня, как читателя предвзятого и привередливого всегда привлекают, может быть, маленькие, казалось бы, незначительные штрихи, какие-то намёки, философические отступления. «…Если бы человек оставался только взрослым в душе, без памяти поступков и чувств ушедшего детства, то разве было бы в нём столько места благородству, нежности, состраданию…» - как здорово подмечено. Я не знаю ни одного человека, который бы напрочь перезабыл уроки добра и

сострадания из своего детства, если же у человека действительно было оно. Фёдоров показывает детство в суровейших условиях, среди не только добрых людей, но чистое участие в нём поистине настоящих и добрых людей, делает этот мир по истине тёплым и благодатным. Мальчишка и бездомные собаки, связанные дружбой, великое тепло доброты неграмотного старика эвена, записочка девчонке, ставшая причиной и чуть не превратившейся в трагедию мальчишеской обиды, и снова добрые безобидные собаки… - эти картинки словно выхвачены ярко и живописно из… моего собственного детства, может быть лишь с небольшой разницей в героях и месте действия. «Смеркалось уже, и по насту юлила позёмка, тревожно колобродилось, бурело небо, воздух казался несвежим, словно летом на пристани чистили вчерашнюю рыбу…» - одного предложения оказалось достаточно, чтобы вызвать и из моей читательской памяти целую картину и зябкого зимнего вечера, с каким-то намёком на тревогу и опасность, почувствовать по памяти действительно не совсем приятные запахи из давней ночной пурги, из моих детских лет, когда однажды довелось остаться одному за околицей и заблудиться…

Повесть «Сердечная недостаточность» с первых же эпизодов показалась мне в большей степени автобиографичной. Хотя, как человек тоже иногда что-то сочиняющий, знаю - в любом повествовании всегда есть много из жизни самого автора, отпечаток его переживаний, его мировидения. Потому-то вероятно иногда о себе получается сказать пусть и неосознанно много и, что замечательно, и особенно правдиво. «Слишком прямолинейно, бывало, он хотел в первую очередь… от этой торопливой жизни благ, славы, а не истин…», «…И жизнь, о которой он так радостно и восторженно писал в своих очерках, защищал от пошлости в фельетонах, показалась ненужной и бессмысленной…», «…Костычев любил стариков, разделял их философское безразличие к приобретательству, готовность к аскетизму в быту, но с непременной духовной жизнью…» - такое пишется о себе самом. А вот реплика жены Костычева: «Разве можно с тобой жить, если не любить тебя…». Много можно отдать за такое признание…. И ещё очень замечательно подмеченное суеверие - «…показывать народившейся луне медяки и ждать после крупных денег…» - так близко мне самому. Этому в шутку и, конечно же, всерьёз учила когда-то и меня моя мама. Чудо и в этом суеверии и в том, как Фёдоров его вспоминает. Надо признать, повесть берёт за душу серьёзностью и важностью этических проблем. И, казалось бы, завершается далеко не оптимистически, а наоборот больше трагично, но опять-таки как в жизни. Это удивительное умение писать жизнь без великого оптимизма, но и не наделять её излишним пессимизмом. Жизнь она всё-таки многовеснее и значимее этих определений, она бесконечно продолжительна и многовариантна, чтобы укладываться в такие не слишком широкие понятия оптимизм или пессимизм. Поистине удачлив тот, кто по хорошему «болеет жизнью» и умеет это передавать в своих произведениях. И хотя сегодняшние «больничные проблемы» несколько изменились в сравнении с советским временем, случай из повести нисколько не потерял что-либо от этого. Людские отношения по-прежнему те же, и угрызения совести те же…. И отношения к смерти, и отношения к хапугам, ко лжи, и к справедливости не утратили своей остроты и актуальности и сегодня. Эти отношения никогда не станут безразличными читателю.

Взволнован был повествованием «Петечка». Вечная и приятная тема – старики, и больная и важная. У Фёдорова написано хорошо и с добром, с подчёркнутой теплотою. «…Покуда векует на свете душа, потуда и хозяйкой в доме быть охота…», «…Зарозовела, взбухли малиновым соком губы, шально заблестели глаза…», «…Время почти не тронуло их избу, только угольно почернели венцы лиственных плах (правильнее вероятно будет – лиственничных)…», «…В глубине двора топилась бревенчатая банька, разнося дух распаренного дерева, над ней в близкое небо конским хвостом пушился тёмный дымок…», «…Грядки походили на запущенные могилы…», «…И хмель бывал в тех грушах, и какая-то неизъяснимая холодящая сладость…» - присутствует в таком лирико-эпическом подходе в повествовании и грусть, и затаённая тревога, и чувство собственного стыда, какого-то бессилия перед неминуемой неотвратимой действительностью. «…Трепыхнулась она бессильно, как воробышек в руке…» – как сказано о старой матери…! А вот ещё коротенькое и простое, но, сколько глубины и сакраментальности –

«…Пуповина у тебя была слишком длинной при рождении, а для любви к родителям надо, чтоб короткая была…». Сколько жизни и сколько мудрого понимания её. И заканчивается затаённая деревенская трагедия совсем не по-книжному, а точно как в жизни – сыновья чёрствость обязательно укорачивает старикам жизнь…. Защемило, разболелось сердце. Припоминал о своих давно уже не деревенских и давно умерших родителях, и стонала душа за свои какие-то смутные, забытые и давно уж прощеные грехи. И больно было, и тепло одновременно оттого, что кто-то ещё мудрый и добрый помнит о том же и пишет.

Более всего странным образом взволновала меня повесть «Инок белой пустыни». Я понимаю, почему некоторые моменты повествования кажутся до боли похожими на свои собственные случаи из жизни – просто писателю удаётся затронуть читательскую душу, именно в эти моменты он наиболее удачно подмечает жизнь, потому ему веришь и, кажется, что нечто подобное ты чувствовал и переживал в своей собственной жизни.

Когда прочитал, как герой повести ступает в торбосах первый раз на снег («…такое испытываешь ощущение, словно на ногах у меня, кроме носков, ничего больше нет…»), невольно долго беспричинно смеялся. Ведь действительно в торбосах легко и приятно ходить, словно босиком. Во первых, от повести дохнуло чем-то знакомым, снежным и чистым, мужественным, с грустью, испытанием и одиночеством. Для себя отметил, что нечто подобное испытываешь от «Обыкновенной Арктики» Бориса Горбатова. «…Чтобы успокоиться и перестать ждать своей очереди в ад, я позволяю себе такую вот езду…». Прелестно! Или вот ещё – «…Боюсь задремать в этой жизни, сгорбиться под своими думами, карабкаюсь к истине…». Часто, приятно часто в повествовании упоминаются цвета – «…сиреневое утро, фиолетовый горизонт, грязно-малиновый снег, озеро в розовой дымке…», а вот целое предложение: «…Розово-фиолетовым стал горизонт, бархатно затемнели окрест снега…». Удивительно смелый подбор сравнений: « Утренний холод в самом деле походил на гильотину…», «…развернул свежую газету, загрохотав ею, как листом железа…», «…поджаривали друг друга на огненной сковородке сарказма…». Всегда чудесные картинки при описании собак: «…три совсем маленьких щенка продолжали крутиться у его ног. Один старательно мочился на торбоса…».

И ещё как-то вдруг понял, что эта повесть Валентина Фёдорова в сущности монолог, лишь построенный в форме диалога. Это разговор с самим собой, честный, возвышенный и откровенный. Нравственно-этические размышления героя на тему потребительства, о любви, о величии и одновременном ничтожестве человека, о взаимоотношениях людей вообще – показались мне близкими и понятными. Впрочем, это в принципе «вечные вопросы», а потому и ответы на них у людей почти одинаковы. Но было ещё что-то более близкое. Последней каплей в эту близость стал Владимир Высоцкий, присутствующий своей песней при разговоре героев…

Своё эссе «Я Вам писал» я тоже пытался выстроить в форме диалога с умудренным собеседником. Это так оказалось похожим на «пререкания» фёдоровского героя с другим его героем Сартовым. Должно быть, как участник повести Сартов (почти Сократ), так и мой мудрец (почти Толстой) родился первым в замысле. Он умудрённый и значительный, словно века проживший на земле, первым родился в писательском сознании. Он словно поселился в нём с рождения автора, всё время рос и рос в воображении до определённого состояния, чтобы быть наконец-то изображённым в повести, хотя был огромен и велик уже с самого начала и без того.

«…Наверное, для того, чтобы понимать других, надо просто выбросить из себя тщеславие и не бояться подчиняться, не желать властвовать…» - вот это было последней точкой моего понимания «Инока», этого стража православья в «белой пустыне» людских отношений. И ещё «Кони привередливые» Высоцкого так же звучавшие для моего «мудреца», случайно ли «неслись» и для фёдоровского Сартова…? Что-то есть в этом мистическое и необъяснимое. Это время так одинаково врывается к нам в мозг, события похоже будоражат и отражаются в сознании, а потом вырываются в повестях почти похожими образами. Кто правит нашим сознанием? Надо признаться, мой атеистический склад мышления никогда не позволял таким образом ставить вопрос. Это со мной впервые…. Повесть как в жизни заканчивается несколько ускоренно в детективном стиле,

но чувство надежды на лучшее не покидает читателя, и какое-то тепло соучастия в судьбе чужих, но, каким-то образом, знакомых героев греет и обнадёживает душу. Я понимаю, это от любви к людям у писателя складываются так слова и передаются точно и преднамеренно остро читателю. Желание намеренно «царапать» больно до крови читательское сердце – это в писателе святое…

Приморье 2004г.

НАХОДКИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ЭЛЕГИЯ»
ОБЪЕДИНЯЕТ НЕ ТОЛЬКО ЛЮДЕЙ, ПРОБУЮЩИХ СВОИ СИЛЫ В ЛИТЕРАТУРЕ.
ЗАДАЧИ ЕГО ШИРЕ.
ЗДЕСЬ ЦЕНТР ТВОРЧЕСКИХ НАЧАЛ ГОРОДА.
ИЗВЕСТНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
И ПРОСЛАВЛЕННЫЕ ТУРИСТЫ,
ЗНАТНЫЕ ГОРОЖАНЕ
И РУКОВОДИТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ,
ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ –
ЧАСТЫЕ ГОСТИ
И ЗАВСЕГДАТАИ КЛУБА.

692900
Приморский край, г.Находка
Ул.Луначарского 6/1,
тел.5-68-39

об авторе

ТЕРТЫШНЫЙ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

692900, РОССИЯ,
Приморский край,
г.Находка,
ул.Рыбацкая, д.19, кв,36
тел. (8 4236) 62-47-16
сот. 9242559986
Email: terty@bk.ru

Родился в 1948 году в г.Уссурийске. Среднюю школу оканчивал в г.Дальнереченске. С 1966 года безвыездный находкинец. Сорок девять лет на производстве. Семнадцать лет в морском торговом порту, шесть лет на судоремонте, последние двадцать шесть лет и до сего времени в городском водохозяйстве.

Автор книг: проза “Родня”, «Я Вам писал», «Письма в другую жизнь», «Далеко на Востоке», поэзия “У дерзновенного начала”, пьеса «Так и живём». http://proza.ru/avtor/nickolas. Подборки стихотворений и рассказы печатались в журналах «Приморье литературное», “Литературный Владивосток”, «Дальний Восток», «Новый Енисейский Литератор», на сайте «Российский писатель». Стихи и прозаические зарисовки в местной и центральной прессе, в литературных интернет конкурсах.

За участие в культурной, просветительской, патриотической деятельности города и края отмечен грамотами и благодарностями Думы Приморского края и глав Находки и Владивостока. Член Союза писателей России.

***

«…Эх, дороги – пути,
горька - думушка…
Сколь же горя нести?
Полна сумушка…

…Дороги, дороги, дороженьки. Сколько слов незабвенных о вас, сколько песен о вас, сколько дум про вас, пыльные и далёкие, по которым уходят волей или неволей, натирая мозоли и стаптывая сапоги, и которые создают собою, сердцем и делами, временем, столь скупо отпущенным и названным… тепло и строго - жизнь…»

Н.Тертышный «Родня»

"ТУРАВТО"

ПРИМОРЬЕ
тел. 5 - 86 - 99

ТУРИСТСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ МАРШРУТ ВЫХОДНОГО ДНЯ:

НАХОДКА - НИКОЛАЕВКА - ВОДОПАД - НАХОДКА

по категории дорог средней сложности
с пешим подъёмом
к водопаду

ПРОТЯЖЁННОСТЬ МАРШРУТА - 40км асфальт, 15км грунт., 7км тропа.
РАСЧЁТНОЕ ВРЕМЯ - общее время 8часов, включая 3ч. автомобильного пути, 4ч. пешего пути туда-обратно.

ООО "ЮЖНОЕ ПРИМОРЬЕ"
ТЕЛ. 5 - 86 - 99

Туризм в крае

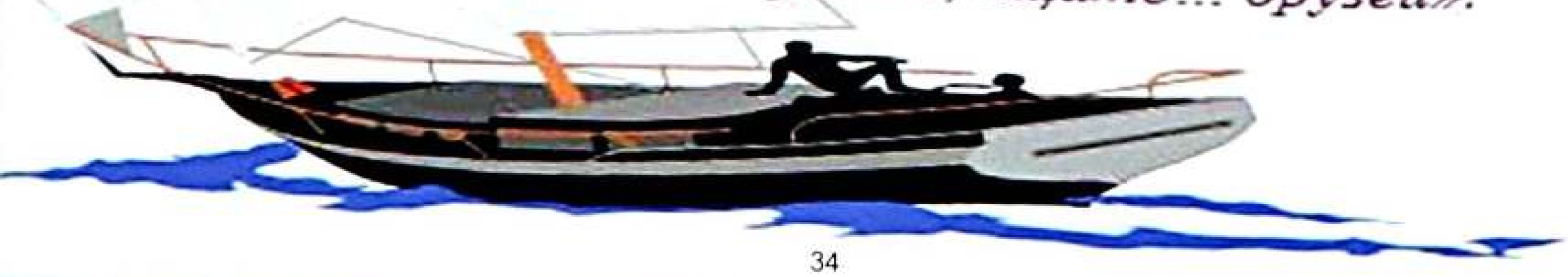
одна из важных отраслей экономики

ПРИМОРЬЕ

РОССИЯ

Есть идеи, для реализации которых нужно просто искать... деньги.
Познакомившись с моей идеей, один замечательный человек сказал:

«Просто, ищите... друзей».



Идея «ТУРАВТО» направлена к исследованию возможности автотуризма в Приморье с использованием личного автотранспорта туристов и путешественников. Рост численности автомобилей способствует расширению сети дорог и маршрутов самодеятельного туризма. Это предполагает организацию автопробегов в 5-6 участников при их относительной самостоятельности. При изучении района путешествий выявляется немало начально обжитых пунктов, пригодных к определённому освоению, чтобы в результате обеспечить дальнейшее развитие сервиса на маршрутах. Задумываясь о развитии туристических маршрутов с достаточным количеством привалов, кемпингов, домов отдыха, пансионатов, мини отелей и т.д., понимаешь, что сначала необходимо изучить сеть дорог и маршрутов неформальгного индивидуального туризма, учесть имеющиеся базы и на этом разработать начальную схему агентсва «ТУРАВТО»...

50,00

туравто

Приморье

Приморский край
2016г.